

Издательский дом «Плутон»

Научный журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

УДК 378.001

СШ Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

12 января 2026

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ СТО ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СВОБОДА И ПРАВО»

12 января 2026 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-6040934-2-9

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам СШ Международной научной конференции «Свобода и право», 12 января 2025 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail: admin@idpluton.ru

Подписано в печать 12.01.2026 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л.3.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И
РОССИИ.....3
Фокина П.М.
2. КОНЦЕПЦИЯ SMART CITY В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЕЙ
И РЕАЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ НАСЕЛЕНИЯ6
Самыкина М.К.
3. СВОБОДА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....11
Празднов В.В.
4. ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....16
Козлов А.Н.

Фокина Полина Михайловна
Fokina Polina Mikhailovna

студент
РГУ имени С.А. Есенина
E-mail: fpm-2015g@yandex.ru

УДК 34

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И
РОССИИ**

**POLITICAL RIGHTS OF STATELESS PERSONS AND FOREIGN CITIZENS: A
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES AND
RUSSIA**

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ объема политических прав иностранных граждан и лиц без гражданства (апатридов) в Российской Федерации и в зарубежных странах. Исследуется степень их допуска к ключевым институтам политического участия, таким как избирательное право, право на объединение в политические партии и право на участие в публичных мероприятиях. На основе анализа международно-правовых стандартов, национального законодательства и правоприменительной практики выявляются общие тенденции и специфические особенности правового регулирования в данной сфере. Делается вывод о доминирующей в мировом сообществе концепции «гражданской нации», в рамках которой полнота политических прав жестко связана с институтом гражданства.

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the scope of political rights of foreign citizens and stateless persons (apatrids) in the Russian Federation and in foreign countries. It examines the extent to which they are allowed to participate in key institutions of political participation, such as the right to vote, the right to join political parties, and the right to participate in public events. Based on an analysis of international legal standards, national legislation, and law enforcement practices, the article identifies common trends and specific features of legal regulation in this area. The article concludes that the concept of a "civil nation" is dominant in the global community, and that the fullness of political rights is closely linked to the institution of citizenship.

Ключевые слова: политические права, иностранные граждане, лица без гражданства, апатриды, избирательное право, свобода собраний, политические партии, сравнительное правоведение, конституционное право.

Keywords: political rights, foreign citizens, stateless persons, apatrides, suffrage, freedom of assembly, political parties, comparative law, constitutional law.

Глобализация и интенсификация миграционных процессов ставят перед государствами сложную задачу интеграции постоянно проживающего на их территории иностранного населения. Одним из ключевых аспектов этой интеграции является вопрос о степени допуска таких лиц к осуществлению политических прав. Политические права, в отличие от личных (гражданских) и социально-экономических, традиционно рассматриваются как прерогатива граждан, поскольку именно через их реализацию формируется воля государства и осуществляется народовластие.

Целью настоящего исследования является проведение сравнительного анализа объема политических прав иностранных граждан и апатридов в Российской Федерации и в ряде зарубежных стран (на примерах государств Европы и Северной Америки), а также выявление универсальных и национально-специфических подходов к их правовому регулированию.

Международное право, закрепляя принцип уважения прав человека, проводит четкое разграничение между правами, предоставляемыми каждому, и правами, принадлежащими только

гражданам. Всеобщая декларация прав человека 1948 года в ст. 21 провозглашает, что «каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной», однако это положение следует интерпретировать в контексте последующих международных пактов.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года в ст. 25 более категоричен и прямо устанавливает соответствующие права за «каждым гражданином». Таким образом, общепризнанной международной нормой является связь полноты политических прав с наличием гражданства. Государствам предоставляется широкая дискреция в определении объема политических прав для неграждан, постоянно проживающих на их территории.

Мировая практика демонстрирует спектр подходов – от полного исключения неграждан из политической жизни до предоставления им ограниченных политических прав, прежде всего на местном уровне.

1. Избирательное право:

«Закрытая» модель (большинство стран): США, Германия, Франция, Италия и многие другие государства полностью исключают иностранцев и апатридов из участия в выборах любого уровня. Политическое представительство здесь неразрывно связано с гражданской принадлежностью [8].

«Частично открытая» модель: Ряд стран предоставляет активное избирательное право на муниципальных выборах иностранцам, постоянно проживающим на их территории. Яркими примерами являются:

- Великобритания: граждане стран Содружества, постоянно проживающие в Великобритании, имеют право голоса на всех выборах.

- Ирландия: Все иностранцы, постоянно проживающие в стране, могут участвовать в местных выборах.

- Швеция, Дания, Нидерланды, Финляндия, Норвегия: Предоставляют право голоса на местных выборах иностранцам, прожившим в стране определенный срок (как правило, 3-5 лет).

- Страны ЕС: Директива ЕС 94/80/ЕС установила право граждан государств-членов ЕС голосовать и баллотироваться на муниципальных выборах в государстве проживания [7].

Пассивное избирательное право (право быть избранным) предоставляется гораздо реже и, как правило, также ограничивается местным уровнем.

2. Право на объединение в политические партии: законодательство большинства стран запрещает иностранцам и апатридам создавать политические партии и занимать руководящие посты в них. Однако допускается их членство в партиях без права решающего голоса. В Германии, например, земельное законодательство некоторых земель разрешает иностранцам быть членами партий. Во Франции членство в партиях для иностранцев законодательно не запрещено, но на практике их участие носит маргинальный характер.

3. Свобода собраний и манифестаций: это право в значительной степени признается за всеми лицами, находящимися под юрисдикцией государства. Однако его реализация иностранцами и апатридами часто сопряжена с дополнительными ограничениями, связанными с обеспечением общественного порядка и безопасности. В большинстве стран они обязаны уведомлять власти о проведении публичного мероприятия на общих основаниях.

Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в России определяется Конституцией РФ (ст. 62, 63) [1] и Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4].

В России действует «закрытая» модель. Согласно ст. 32 Конституции РФ, «граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления». Таким образом, иностранные граждане и апатриды полностью лишены как активного, так и пассивного избирательного права на всех уровнях. Единственным исключением, предусмотренным п. 10 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», является право постоянно проживающих иностранных граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления только в случае, если это предусмотрено международным договором РФ. На практике такие договоры отсутствуют.

П. 1 ст. 23 Федерального закона «О политических партиях» прямо устанавливает, что «членами политической партии могут быть граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет» [5]. Таким образом, иностранцы и апатриды не могут быть не только учредителями, но и членами политических партий.

Иностранцы граждане и апатриды пользуются правом свободы собраний наравне с гражданами России, но с одним существенным ограничением. Ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрещает им быть организаторами публичных мероприятий. Они могут лишь участвовать в уже согласованных мероприятиях.

Таким образом, проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Как в России, так и в большинстве зарубежных стран доминирует консервативный подход, в соответствии с которым ядро политических прав – избирательное право и право на создание политических партий – остается исключительной прерогативой граждан.

2. Основным вектором либерализации в мире является предоставление активного избирательного права на муниципальном уровне иностранцам, длительно проживающим в стране. Российская Федерация, несмотря на наличие теоретической возможности в законодательстве, на практике этот путь не реализует, придерживаясь одной из наиболее жестких моделей.

3. Право на свободу мирных собраний является наиболее универсальным политическим правом, предоставляемым негражданам, однако и оно часто ограничивается (как в России) запретом на организацию таких мероприятий.

4. Общей тенденцией является обусловленность предоставления любых политических прав фактом постоянного законного проживания на территории государства.

Таким образом, правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в сфере политических прав как в России, так и за рубежом характеризуется ограниченностью и производностью от воли государства, предоставляющего гражданство. Расширение их политических прав, даже на местном уровне, остается скорее исключением, подтверждающим общее, правило о тесной связи между гражданством и политическим участием.

Библиографический список:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.).
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях».
6. Невирко, Д.Д. Правовое положение лиц без гражданства в России / Д.Д. Невирко // Российская юстиция. – 2022. – № 8. – С. 34–37.
7. Постников, А.Е. Избирательное право России / А.Е. Постников. – Москва : Норма, 2019. – 288 с.
8. Русинова, В.Н. Политические права иностранных граждан в Европейском союзе: современное состояние и тенденции развития / В.Н. Русинова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 78–95.
9. Федоров, А.В. Участие иностранных граждан в выборах: зарубежный опыт и российские перспективы / А.В. Федоров // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 29–33.

Самыкина Милана Константиновна
Samykina Milana Konstantinovna

студент Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
E-mail: milanasamykina@gmail.com

УДК 34

КОНЦЕПЦИЯ SMART CITY В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЕЙ И РЕАЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ НАСЕЛЕНИЯ

THE SMART CITY CONCEPT IN MUNICIPAL GOVERNANCE: BETWEEN TECHNOLOGY AND THE REAL NEEDS OF THE POPULATION

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ потенциала концепции «умного города» (Smart City), которая сегодня становится ключевым вектором цифровой трансформации муниципального управления в условиях ускоренной урбанизации и технологического прогресса. Рассматриваются изменения управленческой рациональности, вызванные распространением цифровых платформ, систем обработки данных и интеллектуальных сервисов. Обосновывается, что технологизация городской среды должна быть оценена через призму ее влияния на качество жизни населения и уровень удовлетворения общественных потребностей. Автор обращает внимание на высокие риски и критические вызовы, в том числе фрагментарный подход к цифровизации, усиливающий цифровой разрыв между регионами и социальными группами, а также изоляцию уязвимых категорий граждан (пожилых людей, малообеспеченных слоев населения) из цифровой городской среды, а также проблемы распределения ответственности и институциональные барьеры внедрения инноваций. Сделан вывод о необходимости создания человекоориентированной модели Smart City, которая будет обеспечивать баланс между эффективностью цифровых решений и принципами публичной подотчетности.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the potential of the "Smart City" concept, which is currently becoming a key vector for the digital transformation of municipal governance in the context of accelerated urbanization and technological progress. It examines the changes in managerial rationality caused by the proliferation of digital platforms, data processing systems, and intelligent services. It argues that the technologization of the urban environment should be assessed through the prism of its impact on the quality of life of the population and the level of satisfaction of public needs. The author highlights high risks and critical challenges, including a fragmented approach to digitalization, which widens the digital divide between regions and social groups, as well as the exclusion of vulnerable categories of citizens (the elderly, low-income groups) from the digital urban environment, as well as problems in the distribution of responsibility and institutional barriers to innovation. The study concludes that it is necessary to create a human-centered Smart City model that will ensure a balance between the effectiveness of digital solutions and the principles of public accountability.

Ключевые слова: умный город, муниципальное управление, цифровизация, городская инфраструктура, публичная власть, участие населения, ответственность.

Keywords: smart city, municipal governance, digitalization, urban infrastructure, public authority, public participation, responsibility.

Развитие цифровых технологий в XXI веке оказывает системное воздействие на все уровни публичного управления. Органы местного самоуправления становятся эпицентром данных изменений, поскольку именно на муниципальном уровне происходит непосредственное соприкосновение власти с повседневными запросами граждан. Расширенные применения информационных систем, платформенные решения и инструменты анализа данных постепенно формируют новые стандарты организации управленческой деятельности, что меняет способы планирования, распределения ресурсов и оценки результативности.

В этих условиях концепция Smart City приобретает особую значимость, выступая не только совокупностью технологических инициатив, но и определенной идеологией развития городской среды, предполагающей повышение ее эффективности, прозрачности управленческих процедур и

комфортности проживания. Сказанное свидетельствует об актуальности и значимости тематики исследования, которая находит оживленный научный отклик в трудах ученых. Управленцы, юристы, экономисты, социологи и др. специалисты с большим интересом рассуждают о различных составляющих концепции «Умный город», анализируя ее в контексте цифровой трансформации управления и влияния информационных технологий на нее [например, см.: 1, с. 16-19; 2, с. 509-513; 3, с. 8-13; 4, с. 50-55; 5, с. 668-673; 6, с. 170-174; 7, с. 15-18; 8, с. 10-13], решения муниципальных проблем [например, см.: 9, с. 96-110], в том числе в сфере цифрового разрыва в умных городах [например, см.: 10, с. 111-127], туризма [например, см.: 11, с. 11-13], обеспечения безопасности муниципального образования [например, см.: 12, с. 39-44] и др.

Основная часть

Прежде всего необходимо разберемся в вопросе о том, что же понимается под термином «Умный город». Анализ учебной литературы показывает, что до настоящего момента отсутствует единое определение этого термина. Разные авторы трактуют концепцию через призму своих дисциплинарных подходов (право, управление, градостроительство, социология, экономика и др.). Например, Н.А. Колодий, В.С. Иванова, Н.А. Гончарова называют «умный город» - «инновационным городом, который внедряет комплекс технических решений и организационных мероприятий, направленных на достижение максимального качества жизни человека, адекватной системы управления транспортными потоками в целях создания благоприятных условий для проживания и деловой активности нынешних и будущих поколений» [13, с. 104]. Данное определение дано в контексте концепции «умный город, ориентированный на человека» (Human Smart City).

О.В. Анциферова и А.Ю. Барышников отмечают, что «умный город» - это инструмент городского управления, основанный на интеграции информационно-коммуникационных технологий и Интернета вещей (IoT) для повышения эффективности функционирования городской инфраструктуры, оптимизации ресурсопотребления и улучшения качества жизни населения через цифровизацию ключевых сфер жизнедеятельности [14, с. 47]. Как мы видим, авторы подчеркивают переход от технологического детерминизма к человекоцентричной парадигме.

По мнению П.В. Сафонова, «умный город» - это концепция, которая представляет собой «систему управления городским развитием, основанную на цифровых платформах, обеспечивающих взаимодействие органов власти, бизнеса и граждан для решения задач устойчивого развития территорий через оптимизацию процессов в жилищно-коммунальной сфере, транспорте, энергетике и социальной инфраструктуре» [15, с. 148].

П.М. Козырева, А.В. Смирнов справедливо подчеркивают, что «умный город» - это «технологическая платформа для повышения эффективности управления, однако в восприятии населения концепция ассоциируется прежде всего с доступностью цифровых сервисов и их влиянием на повседневную жизнь, что выявляет разрыв между технологической рациональностью и реальными потребностями граждан» [16, с. 36].

Обоснование необходимости использования новой модели находим также в трудах Е.Г. Васильевой, которая пишет о том, что эффективность цифровых проектов на уровне муниципальных образований должна оцениваться через их влияние на благополучие граждан. В этой связи автор рассматривает концепцию «умного города», прежде всего, как социальный, а не технический проект [17, с. 47]. Похожую позицию занимает А.Б. Жулин, связывающий развитие городских систем управления с переходом к аналитике больших данных и предиктивным моделям регулирования [18, с. 14]. Подчеркнем, что ориентация только на технические параметры эффективности может привести к игнорированию интересов отдельных групп населения. Алгоритмы, лежащие в основе распределения ресурсной базы, функционируют в пределах определенных критериев, а значит, реализуют логику, заложенную разработчиками. Соответственно, вопрос справедливости управленческих решений не может быть полностью передан программным средствам.

Обратим также внимание, что до настоящего момента отсутствует общепринятое нормативное определение термина «умный город». Однако справедливости ради, необходимо упомянуть ведомственные документы, в частности, Концепцию проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город», утвержденную Приказом Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр (утратил силу) и Приказом Минстроя России от 02.12.2024 № 815/пр. Названные акты содержат операциональное определение, в котором «умный город» характеризуется как «концепция интеграции информационных и коммуникационных технологий и интернета вещей для управления городской инфраструктурой с целью повышения качества жизни населения».

Практика последних лет демонстрирует, что цифровая модернизация нередко развивается опережающими темпами по отношению к институциональной и нормативной адаптации. Муниципальные образования внедряют все больше новых сервисов, систем мониторинга и элементов автоматизации, однако вопросы их влияния на участие населения, характер ответственности должностных лиц и распределение управленческих приоритетов до сих пор являются поводом для дискуссий. В результате возникает противоречие между технологическим оптимизмом и реальным опытом граждан, который не всегда оправдывает высокие ожидания.

Одновременно усиливается интерес к проблеме правового регулирования применения интеллектуальных технологий. Традиционные нормы публичного управления формировались в условиях, когда ключевые решения принимались человеком. Расширение роли технологий требует уточнения механизмов подотчетности, процедур контроля и порядка обжалования результатов обработки данных автоматизированным методом. Так, Н.В. Архиреев подчеркивает, что развитие нормативной базы неизбежно должно учитывать специфику функционирования самообучающихся систем, отличающихся высокой степенью автономности [19, с. 34].

Актуализируется вопрос о том, каким образом проекты Smart City должны соотноситься с фундаментальными задачами местного самоуправления. Прежде всего, речь идет о создании условий для устойчивого развития территории, обеспечении доступности муниципальных услуг и поддержании доверия к публичной власти. Если технологические решения не способствуют достижению этих целей, их применение рискует превратиться в имитацию инноваций.

Как уже отмечалось ранее, в рамках технологически ориентированных концепций становится очевидной необходимость учета человеческого фактора. Цифровые решения оказываются эффективными лишь тогда, когда они встроены в систему коммуникации между властью и населением. Без обратной связи и понимания локальных особенностей территории алгоритмические рекомендации могут оказаться слишком формальными и не привести к ожидаемым результатам на конкретной территории.

В этой связи внимание все чаще фокусируется на анализе изменения управленческой рациональности. Речь идет о том, что внедрение Smart City влияет не только на инструменты. Возрастает роль данных как основания для принятия решений, увеличивается межведомственная координация, формируются новые требования к профессиональным компетенциям муниципальных служащих.

Как отмечает А.А. Карцхия, цифровизация в публичных сферах способствует переходу к более формализованным процедурам управления, где ключевым ресурсом становится информация [20, с. 7]. Тенденции такого рода значительно повышают требования к качеству используемых данных и прозрачности обрабатываемых алгоритмов. Складывается ситуация, при которой технологическое развитие расширяет возможности муниципалитетов, при этом повышая уровень ответственности за принимаемые решения. Чем более сложными становятся используемые системы, тем выше риск возникновения ошибок, последствия которых затрагивают реальное население.

Возникает необходимость определения пределов использования интеллектуальных инструментов, поскольку не все аспекты городской политики могут быть сведены к расчетным моделям. Управление неизбежно включает ценностный выбор, предполагающий учет интересов различных социальных групп и стратегических приоритетов развития территории. В центре внимания оказывается вопрос о том, каким образом цифровые инновации могут способствовать укреплению доверия к публичной власти, а не подрывать его чрезмерной технократизацией.

Именно здесь начинается этап перехода от анализа общих теоретических оснований к изучению конкретных механизмов функционирования муниципального управления в условиях цифровой среды. Необходимость такой смены продиктована стремлением выявить реальные изменения, происходящие в практике подготовки и принятия решений.

Правовая и управленческая практика показывают, что цифровые инструменты не существуют в институциональном вакууме, а встраиваются в уже сложившиеся процедуры и профессиональные культуры. Именно поэтому эффект от их применения определяется не столько техническими характеристиками, сколько способностью органов местного самоуправления адаптировать собственные организационные механизмы. Согласимся в этой связи с мнением Н.В. Архиреева, что внедрение интеллектуальных систем неизбежно сопровождается трансформацией правового пространства и требует корректировки традиционных моделей управленческой компетенции [19, с. 36].

Переход к Smart City усиливает зависимое положение управленца от качества исходных данных. Ошибки в массивах информации, неполнота сведений или их структурная несовместимость способны привести к формированию искаженных рекомендаций. При этом сама процедура обработки часто остается скрытой для конечного пользователя, что порождает эффект «технологической непрозрачности». В подобной ситуации должностное лицо оказывается перед дилеммой, поскольку, с одной стороны, алгоритм предлагает решение, основанное на большом объеме вычислений, с другой стороны, отсутствует возможность в полной мере проверить ход рассуждений системы.

Развитие технологий также влияет на характер взаимодействия власти и населения. С одной стороны, цифровые сервисы расширяют каналы коммуникации, ускоряют обработку обращений и повышают доступность информации, но, с другой стороны, возникает риск подмены реального диалога формализованными процедурами, когда живое участие граждан уступает место статистическим показателям активности. В этом случае технологическая рациональность начинает вытеснять социальное измерение управления.

Наряду с этим исследователи указывают на вероятность воспроизводства существующих неравенств. Алгоритмы обучаются на исторических данных, которые нередко отражают уже сложившиеся дисбалансы развития территорий. Следовательно, без специальных корректирующих механизмов цифровая система может непреднамеренно закреплять неблагоприятные тенденции. Е.Н. Ключкова и О.В. Пименова связывают эту проблему с необходимостью разработки процедур оценки социальной справедливости принимаемых решений [21, с. 50]. Тем самым становится очевидным, что обсуждение Smart City невозможно ограничить вопросами технологической эффективности. Это более глубокий процесс, когда происходит изменение самой логики муниципального управления, в рамках которого цифровые инструменты становятся активными участниками выработки управленческих приоритетов. Однако человек, принимающий управленческое решение, сохраняет способность учитывать моральные ожидания населения, политические риски, долгосрочные социальные последствия и иные факторы, которые невозможно формализовать. Человекоцентричность предполагает изменение критериев оценки эффективности цифровых проектов. На первый план здесь выходит не количество внедренных платформ, а степень их влияния на реальное качество жизни граждан. Если технология не приводит к повышению доступности муниципальных услуг, сокращению времени ожидания или росту удовлетворенности населения, то ее применение утрачивает управленческий смысл.

Одновременно возрастает значение компетенций муниципальных служащих. Работа в цифровой среде требует умения критически воспринимать алгоритмические рекомендации, сопоставлять их с локальным контекстом и принимать решения в условиях неопределенности. А.А. Карцхия и Г. П. Ивлиев связывают перспективы развития интеллектуальных технологий с формированием новой управленческой культуры, в которой сочетаются аналитическое мышление и правовая ответственность [20, с. 9].

В завершении констатируем, что практическая реализация данной модели невозможна без институциональных изменений. Необходимы процедуры аудита алгоритмов, механизмы общественного контроля, стандарты прозрачности и правила распределения ответственности между разработчиками и пользователями систем. Только при наличии подобных гарантий цифровизация способна укрепить доверие к власти, а не подорвать его. Следовательно, Smart City представляет собой не совокупность технических решений, а новую парадигму муниципального управления, ориентированную на согласование интересов различных групп населения. Технология в этой системе играет роль медиатора, помогая выявлять проблемы, прогнозировать последствия и выбирать наилучшие варианты действий.

В конечном счете именно сохранение данного баланса определяет успешность цифровой трансформации. Там, где алгоритм превращается в безусловный источник истины, возникает угроза утраты ответственности. Там же, где технология используется как инструмент расширения когнитивных возможностей, открываются перспективы более взвешенного и справедливого управления.

Таким образом, развитие Smart City на муниципальном уровне следует рассматривать как длительный эволюционный процесс, требующий аккуратного сочетания инноваций, нормативного регулирования и постоянного диалога с населением. Лишь при выполнении этих условий цифровая среда становится ресурсом повышения качества управления, а не источником новых конфликтов.

Библиографический список:

1. Алексеева М.В. Цифровая трансформация государственного управления на основе искусственного интеллекта // Административное право и процесс. 2025. № 12. С. 16-19.
2. Аманова Ай., Курамбаев Дж., Мередов М. Влияние информационных технологий на развитие концепции «Умный город» // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 2 (83). С. 509-513.
3. Воронова Е.И. Государственное стимулирование разработки и производства высокотехнологичной продукции как фактор развития модели «умных территорий» в условиях цифровизации управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 7. С. 8-13.
4. Жунусов Б.А. Разработка новой модели «Умный город»: научно-методические подходы // Региональный экономический журнал. 2024. № 2 (37). С. 50-55.
5. Коробейникова Е.В., Хорина И.В., Жирнова Т.В. Условия и реализация проектов «Умный город» в отечественной практике цифровизации городской среды // Экономика и предпринимательство. 2025. № 2 (175). С. 668-673.
6. Кочарян Ю.Г., Кобулян Г.С. Роль ИТ в развитии концепции «Умный город» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-3 (100). С. 170-174.
7. Романовская О.В. Право и «умный город» // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 3. С. 15-18.
8. Черкасов А.И. Право на умный город и механизмы его поддержки в странах современного мира // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 4. С. 10-13.
9. Костина Е.А. Как умный город решает городские проблемы // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24. № 3. С. 96-110.
10. Горшков М.К., Петров Н.Е. Социальная справедливость и цифровой разрыв в умных городах // Социологический журнал. 2025. № 4. С. 112-127.
11. Никиташина Н.А. «Умный город» как основа «умного туризма» в эпоху цифровых технологий: правовые и философские прогнозы // Туризм: право и экономика. 2023. № 3. С. 11-13.
12. Белоцерковский К.Е. Технологии «умный город» и «безопасный город»: содержание и правовое регулирование // Законность и правопорядок. 2024. № 1 (41). С. 39-44.
13. Колодий Н.А., Иванова В.С., Гончарова Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 2. С. 102-123.
14. Анциферова О.В., Барышников А.Ю. «Умный город» как перспективный инструмент городского управления // Урбанистика и регионология. 2022. № 1. С. 45-58.
15. Сафонов П.В. Модели реализации концепции «умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 12. № 2. С. 145-160.
16. Козырева П.М., Смирнов А.В. Реализация концепции «Умный город» в оценках населения (на примере российских мегаполисов) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 34-45.
17. Васильева Е.Г. Умный город как модель трансформации муниципальной власти // Муниципальная академия. 2023. № 2. С. 45-52.
18. Жулин А.Б. Управление городскими системами на основе данных: новые подходы // Экономика города. 2023. № 1. С. 12-20.
19. Архиреев Н.В. Тенденции правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации // Российская юстиция. 2025. № 1. С. 32-40.
20. Карцхия А.А., Ивлиев Г.П. Современное понимание искусственного интеллекта: правовой аспект // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 4. С. 4-12.
21. Клочкова Е.Н., Пименова О.В. Искусственный интеллект: угрозы и безопасность // Безопасность бизнеса. 2024. № 4. С. 49-52.

Празднов Виктор Владимирович
Prazdnov Viktor Vladimirovich

Аспирант Московского инновационного университета, кафедры юридических дисциплин

УДК 342.72/.73

**СВОБОДА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**FREEDOM AS A CONSTITUTIONAL VALUE AND THE LIMITS OF RESTRICTING CIVIL
RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье свобода рассматривается как базовая конституционная ценность, определяющая содержание правового положения личности в Российской Федерации и задающая пределы допустимого вмешательства государства в сферу гражданских прав. Обосновывается, что ограничение прав в конституционном государстве не может пониматься как произвольное усмотрение публичной власти, а допустимо лишь при наличии федерального закона, конституционно значимой цели, необходимой меры и соблюдении принципа соразмерности. Особое внимание уделяется взаимосвязи свободы и ограничения прав, проблеме сохранения существа права при законодательном регулировании, а также значению правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для определения границ допустимого ограничения гражданских прав. Делается вывод о том, что свобода в российском конституционном праве выступает не только объектом охраны, но и юридическим критерием оценки действий государства. Предел ограничения гражданских прав проходит там, где установленная законом мера перестает обеспечивать согласование конституционных ценностей и начинает приводить к содержательному обеднению самой свободы.

Abstract. The article examines freedom as a basic constitutional value determining the content of the legal status of the individual in the Russian Federation and setting the limits of permissible state interference in the sphere of civil rights. It is argued that, in a constitutional state, the restriction of rights cannot be understood as an arbitrary discretion of public authority and is permissible only when established by federal law, pursuing a constitutionally significant aim, meeting the requirement of necessity, and complying with the principle of proportionality. Particular attention is paid to the relationship between freedom and the restriction of rights, the problem of preserving the essence of the right in legislative regulation, and the significance of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in determining the boundaries of permissible restriction of civil rights. It is concluded that freedom in Russian constitutional law acts not only as an object of protection, but also as a legal criterion for assessing state action. The limit of restricting civil rights is reached where a statutory measure ceases to ensure the coordination of constitutional values and begins to lead to a substantive impoverishment of freedom itself.

Ключевые слова: свобода, конституционная ценность, гражданские права, права и свободы человека и гражданина, ограничение прав и свобод, пределы ограничения прав, Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, соразмерность, конституционно-правовая защита.

Keywords: freedom, constitutional value, civil rights, human and civil rights and freedoms, restriction of rights and freedoms, limits of rights restrictions, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, proportionality, constitutional legal protection.

При анализе свободы в конституционном праве исследователь обычно обращается прежде всего к закрепленному в Конституции перечню прав и свобод. Такой способ изложения объясним, однако он скорее подходит для систематизации материала, чем для выявления существа проблемы. Само по себе перечисление конституционных прав не отвечает на главный вопрос: почему свобода занимает в конституционном строе особое место и по какой причине именно через нее следует оценивать пределы государственного вмешательства в сферу прав личности. Между тем конституционное значение свободы этим не исчерпывается: через нее определяется первоначальный объем личной автономии, за пределы которого публичная власть выходить не вправе.

В данном случае значение имеет не только ценностная декларация, но и ее нормативное

последствие: Конституция Российской Федерации прямо устанавливает приоритет прав и свобод в системе публично-правовых ориентиров. Человек, его права и свободы названы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина возложены на государство как обязанность [1]. Это означает, что свобода в российском конституционном правопорядке не может рассматриваться как производное от усмотрения законодателя. Напротив, сама публичная власть получает конституционную легитимность лишь в той мере, в какой она признает и уважает свободу как исходную правовую ценность.

С научной точки зрения именно этот тезис позволяет правильно определить оптику исследования. В учебной литературе по конституционному праву подчеркивается, что современное конституционное право ориентировано на утверждение и защиту суверенитета личности, а институт основ правового положения личности занимает центральное место в системе конституционно-правового регулирования [2]. Из этого следует, что вопрос об ограничении гражданских прав не может трактоваться как частная техническая проблема специального законодательства. В действительности он затрагивает более глубокий уровень – предел допустимого воздействия государства на конституционно гарантированную сферу свободы.

При раскрытии конституционного содержания свободы необходимо избежать двух упрощений, каждое из которых искажает природу рассматриваемого явления. Первое заключается в сведении свободы к ничем не ограниченной индивидуальной воле. Второе – в ее обратной редукции до строго дозированной возможности действовать лишь в тех пределах, которые заранее и подробно очерчены государством. Ни один из этих подходов не позволяет объяснить свободу как правовую категорию. Если свобода мыслится как абсолютная самодостаточность личности, то любое правовое регулирование неизбежно будет восприниматься как ее отрицание. Если же она сводится к полностью контролируемой и управляемой возможности поведения, то исчезает сама идея личной автономии. По этой причине свобода не может рассматриваться лишь как декларативная политико-правовая категория. В научной литературе она определяется как объективная и субъективная возможность лица самостоятельно устанавливать алгоритм своего поведения в интересах индивидуального и общественного блага [12]. Существенно не только содержание этой формулы, но и стоящая за ней логика. Свобода здесь понимается не как произвольное самоутверждение, а как юридически признанная и обеспеченная самостоятельность. Она предполагает пространство выбора, но существует в системе правопорядка, где свобода одного лица не может обеспечиваться ценой разрушения свободы другого.

Здесь и возникает ключевой исследовательский вопрос: каким образом соотносятся свобода как конституционная ценность и ограничение гражданских прав как элемент правового регулирования. На первый взгляд, между ними существует противоречие. Однако в конституционном государстве это противоречие не носит абсолютного характера. Ограничения составляют внутренний элемент той юридической конструкции, в рамках которой свобода получает конституционное выражение. Иначе говоря, ограничение прав допустимо не потому, что свобода вторична, а потому, что сама свобода в правовом порядке нуждается в мере, без которой невозможно совместное существование различных конституционно охраняемых интересов.

Но признание допустимости ограничений вовсе не означает признания за государством широкого усмотрения в данной сфере. Указанное конституционное решение имеет определяющее значение для понимания допустимых границ законодательного усмотрения. Часть 3 статьи 55 Конституции РФ закрепляет, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. В этой формуле содержится не абстрактное разрешение на ограничение прав, а система жестких фильтров: закон, конституционная цель, мера необходимости и недопустимость чрезмерного вмешательства.

В литературе эти положения обоснованно рассматриваются как конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина [9]. Такой подход особенно важен потому, что позволяет оценивать ограничение не как изолированный эпизод, связанный с отдельным правом, а как проявление общей конституционной модели отношений между личностью и государством. До тех пор пока не установлено, соответствует ли ограничительная мера этой общей модели, нельзя говорить и о конституционной допустимости ограничения применительно к конкретному гражданскому праву.

Наиболее уязвимой точкой всей конструкции остается само понятие ограничения. О.В. Лисина справедливо указывает, что неопределенность в понимании конституционного ограничения прав и свобод препятствует как качественному нормотворчеству, так и эффективному осуществлению гражданами конституционно провозглашенных прав и свобод [6]. Это наблюдение представляется принципиальным. Пока ограничение трактуется слишком широко, под него можно подвести практически любое государственное воздействие на сферу свободы. Между тем с конституционно-правовой точки зрения необходимо различать допустимое сужение объема реализации права и такое регулирование, которое лишает право его содержательной действительности. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется риск подмены конституционного обоснования внешне корректной, но по существу чрезмерной ограничительной моделью. Не всякое уменьшение объема дозволенного поведения означает неконституционность. Но всякое ограничение, после которого право становится трудноосуществимым, зависимым от непрозрачного усмотрения власти или фактически недоступным для нормальной реализации, уже не может рассматриваться как нейтральная юридическая мера. В этом случае право сохраняется в тексте закона, но утрачивает жизнеспособность. Следовательно, вопрос должен ставиться не только о наличии ограничения, но и о том, остается ли свобода реально действующей после его введения.

В силу этого ограничительная мера должна быть не только нормативно закреплена, но и содержательно оправдана. Особое значение в этой связи имеет цель ограничения. В исследовании А.А. Подмарева убедительно показано, что цель ограничения прав и свобод человека и гражданина является обязательным элементом юридической конструкции такого ограничения [11]. Из этого вытекает важный вывод: государство не вправе ограничивать свободу, а затем подбирать к уже принятому решению внешне подходящее конституционное объяснение. Ограничение должно с самого начала быть связано с определенной конституционно значимой ценностью и действительно служить ее охране.

Однако и сама по себе ссылка на конституционно значимую цель не снимает проблему. Законодатель может использовать корректный конституционный словарь – безопасность, нравственность, защита прав других лиц, охрана конституционного строя, но при этом создавать такую модель регулирования, которая чрезмерно утяжеляет реализацию права. В подобных случаях опасность состоит не только в чрезмерности конкретной меры, но и в более глубоком смещении конституционного баланса: свобода перестает восприниматься как исходная данность и начинает существовать лишь как условно допускаемое состояние, объем которого определяется публичной властью.

Аналогичный подход последовательно прослеживается в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Именно через них раскрывается практическое содержание части 3 статьи 55 Конституции РФ. Как показывает А.А. Подмарев, Конституционный Суд рассматривает ограничение прав не как произвольный законодательный инструмент, а как меру, жестко связанную с принципами необходимости, адекватности, недопустимости чрезмерности и сохранения существа права [9; 10]. Тем самым Суд фактически устанавливает стандарт: правомерным может считаться лишь такое вмешательство, которое действительно нужно для защиты конституционно значимой цели и не превращает право в формально существующую, но содержательно ослабленную возможность.

Именно в этой плоскости начинает действовать принцип соразмерности. В научной литературе он характеризуется как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина [10]. Его значение трудно переоценить. Соразмерность не позволяет ограничиться формальной проверкой, существует ли закон и обозначена ли в нем допустимая цель. Она требует большего: соотнести тяжесть вмешательства с тем результатом, ради которого оно вводится, проверить, не превышена ли необходимая мера, не затронута ли суть права, не созданы ли необоснованные препятствия его реализации [10]. По существу, именно в принципе соразмерности свобода приобретает не декларативный, а рабочий юридический смысл. Пока свобода фигурирует лишь как общая конституционная ценность, ее легко оставить на уровне благозвучной формулы. Но когда встает вопрос о допустимости конкретного ограничения, свобода начинает выполнять функцию критерия. Она становится мерой оценки поведения государства. Не публичная власть по своему усмотрению определяет границы свободы, а свобода как конституционная ценность ограничивает пределы допустимого законодательного и правоприменительного усмотрения.

Обзоры практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2019 и 2020 годы, а

также обзор за четвертый квартал 2019 года подтверждают устойчивость этого подхода. В них последовательно прослеживаются требования правовой определенности, недопустимости чрезмерного ограничения, необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов, а также сохранения содержательного ядра права [3; 4; 5]. Важно и то, что Суд исходит не из автоматического приоритета публичного интереса, а из необходимости сопоставлять ограничение с его реальными последствиями для носителя права. Тем самым конституционный контроль не сводится к абстрактной проверке текста закона, а становится проверкой меры вмешательства по существу.

Особое место в этом контексте занимает свобода слова. Хотя данная статья не посвящена исключительно этому праву, именно свобода слова особенно наглядно показывает, почему свобода должна рассматриваться как конституционная ценность. Она обеспечивает не только индивидуальное самовыражение, но и участие личности в публичной жизни, свободное формирование мнения, открытое общественное обсуждение и, в конечном счете, устойчивость правовой связи между обществом и властью [1]. По этой причине ограничение свободы слова требует особенно строгой проверки на необходимость, оправданность и соразмерность. Иначе негативные последствия затрагивают не только частную сферу конкретного лица, но и более широкий конституционный контекст.

Вместе с тем границы допустимого ограничения гражданских прав определяются не только текстом Конституции и не только правовыми позициями Конституционного Суда. Они связаны и с состоянием всей системы конституционно-правовой защиты прав и свобод. М.В. Мархгейм рассматривает такую защиту как системную конституционную модель, включающую нормы, институты, субъектов и гарантии, действующие в логике приоритета прав и свобод человека [8]. Этот подход представляется особенно ценным, поскольку позволяет увидеть, что даже корректно сформулированные ограничения могут приобрести иную, более жесткую фактическую нагрузку, если система их проверки и обжалования оказывается слабой или недостаточно эффективной. На это же косвенно указывает и более поздняя литература, посвященная проблемам конституционной защиты прав и свобод в современной России [7]. Для нашей темы отсюда вытекает принципиальный вывод: пределы ограничения гражданских прав – это не только нормативная, но и институциональная категория. Их реальность зависит от того, насколько последовательно суды, иные органы публичной власти и правоприменительная практика в целом воспринимают свободу как исходную конституционную ценность, а не как исключение, допустимое лишь в той мере, в какой это удобно государству.

Из изложенного вытекает следующий вывод. Свобода в российском конституционном праве представляет собой не отвлеченную идеологическую категорию и не декоративный элемент конституционного текста, а юридически значимый критерий допустимого вмешательства государства в сферу гражданских прав. Ограничение прав может считаться конституционно допустимым лишь при одновременном наличии нескольких условий: оно должно быть установлено федеральным законом, связано с прямо названной в Конституции целью, действительно необходимо, соразмерно поставленной задаче и не должно разрушать существо права [1; 9; 10; 11].

Следовательно, реальный конституционный предел ограничения гражданских прав в Российской Федерации достигается в тот момент, когда установленная законодателем мера уже не обеспечивает согласование конституционных ценностей, а приводит к содержательному обеднению самой свободы. В этой точке ограничение перестает быть правовой мерой и начинает выполнять иную функцию – функцию вытеснения свободы из пространства реального правопользования. Именно поэтому свобода как конституционная ценность должна рассматриваться не только как объект охраны, но и как стандарт, по которому оценивается сама государственная власть.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.10.2025).

2. Дзидзов, Р. М. Конституционное право Российской Федерации [Электронный ресурс]: электронное учебное издание (учебник) / Р. М. Дзидзов, О. А. Ковтун, Н. Д. Терещенко; под ред. Р. М. Дзидзоева. – Майкоп: ЭЛИТ, 2022. – 582 с. – URL: <https://201824.selcdn.ru/elit->

164/pdf/978_5_6048615_0_9.pdf.

3. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс]. – Москва: Конституционный Суд Российской Федерации. 2020. – URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/documents/Information_2019.pdf.

4. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс]. – Москва: Конституционный Суд Российской Федерации. 2021. – URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/documents/Information_2020.pdf.

5. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2019 года [Электронный ресурс]. – Москва: Конституционный Суд Российской Федерации. 2020. – URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/documents/Information_4_2019.pdf.

6. Лисина, О. В. Конституционное ограничение прав и свобод человека и гражданина: понятие и пределы // Власть. – 2019. – № 3. – С. 10–18. – DOI: 10.22394/1682-2358-2019-3-10-18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-ogranichenie-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-ponyatie-i-predely>.

7. Майстренко, Г. А. Конституционная защита прав и свобод человека в Российской Федерации: задачи, проблемы, пути решения // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12, № 1А. – С. 147–154. – DOI: 10.34670/AR.2023.86.38.026. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-1/a18-maistrenko-grigorii.pdf>.

8. Мархгейм, М. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования [Электронный ресурс]: монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. – 198 с. – URL: http://dspace.bsuedu.ru/bitstream/123456789/5715/1/Marhgeim_Zazhita_Prav_Svobod.pdf.

9. Подмарев, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: конституционные основы и правовые позиции Конституционного Суда России. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (72). 2016. С. 62–66. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-konstitutsionnye-osnovy-i-pravovye-pozitsii-konstitutsionnogo-suda-rossii>.

10. Подмарев, А. А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. Т. 21. № 1. 2021. С. 83–91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sorazmernost-kak-konstitutsionnyy-printsip-ogranicheniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoy-federatsii>.

11. Подмарев, А. А. Цели ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г., международных актах, решениях Конституционного Суда России. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 39–44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-ogranicheniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-konstitutsii-rf-1993-g-mezhdunarodnyh-aktah-resheniyah-konstitutsionnogo-suda>.

12. Харитонов, О. Н. Понятие «свобода» в конституционном измерении: от теории к практике. Право и государство: теория и практика. 2018. № 2 (158). С. 24–30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svoboda-v-konstitutsionnom-izmerenii-ot-teorii-k-praktike>.

Козлов Артур Николаевич
Kozlov Arthur Nikolaevich

Аспирант Московского инновационного университета, кафедре юридических дисциплин

УДК 343.85

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

DETERMINANTS OF DEVIANT BEHAVIOR IN MINORS

Аннотация. В статье рассматриваются основные детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних в современных социальных условиях. Особое внимание уделяется семье как первичному институту социализации, деформация которого создает предпосылки для формирования отклоняющегося поведения. Анализируются биологические, психологические и социальные факторы, обуславливающие возникновение девиаций у подростков. Сделан вывод о полидетерминированности девиантного поведения и необходимости системного подхода к его профилактике.

Abstract. The article examines the main determinants of deviant behavior in minors within contemporary social conditions. Special attention is given to the family as the primary institution of socialization, whose dysfunction creates the preconditions for the development of deviant behavior. The biological, psychological, and social factors that give rise to deviations in adolescents are analyzed. A conclusion is drawn regarding the poly-determined nature of deviant behavior and the need for a systemic approach to its prevention.

Ключевые слова: девиантное поведение, несовершеннолетние, детерминанты девиации, семья, социализация, подросток, дисфункциональная семья, профилактика.

Keywords: deviant behavior, minors, determinants of deviation, family, socialization, adolescent, dysfunctional family, prevention.

Проблема девиантного поведения несовершеннолетних не утрачивает своей актуальности ни в одном обществе, независимо от уровня его экономического развития и степени зрелости правовых институтов. Напротив, в условиях стремительных социальных трансформаций, неустойчивости ценностных ориентиров и нарастающей информационной перегрузки молодого поколения эта тема приобретает особую остроту. Подростковый возраст – период, характеризующийся повышенной уязвимостью личности, интенсивным поиском идентичности и болезненным переживанием противоречий между собственными устремлениями и требованиями окружающего мира. Именно в этот период закладываются либо закрепляются те поведенческие паттерны, которые в последующем определяют жизненный путь человека.

Девиантное поведение несовершеннолетних представляет собой сложный социально-психологический феномен, изучение которого требует привлечения знаний из социологии, психологии, криминологии, педагогики и медицины. Многолетние исследования в этой области позволили накопить значительный эмпирический материал, однако вопрос о глубинных причинах, механизмах и условиях формирования девиаций по-прежнему остается дискуссионным. Различные научные школы предлагают неодинаковые объяснительные модели, расставляя акценты то на биологической предрасположенности, то на психологических особенностях личности, то на социальных условиях жизни подростка.

Цель настоящей статьи состоит в систематическом анализе детерминант девиантного поведения несовершеннолетних с выделением ключевой роли семьи как первичного агента социализации. Достижение этой цели предполагает решение нескольких задач: во-первых, уточнение понятийного аппарата; во-вторых, классификацию детерминирующих факторов; в-третьих, подробное рассмотрение семейных дисфункций как детерминант девиации; в-четвертых, анализ взаимодействия различных групп факторов в процессе формирования отклоняющегося поведения.

Термин «девиантное поведение» в научный оборот ввел Э. Дюркгейм, обосновавший концепцию аномии как состояния ценностно-нормативного вакуума, в котором индивид утрачивает социальные ориентиры [3, с. 24]. С тех пор понятие девиации претерпело существенное концептуальное развитие. В современной отечественной науке под девиантным поведением

понимается устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности и сопровождающееся социальной дезадаптацией [4, с. 12].

Принципиально важно разграничение между отклонением от статистической нормы и нарушением социальных предписаний. Ребенок, демонстрирующий необычные когнитивные способности, отличается от среднестатистического сверстника, однако это отличие не является девиантным в социальном смысле. Девиация же предполагает именно нарушение нормативных ожиданий, разделяемых в данной культуре и социальной группе. При этом характер отклонения может быть принципиально различным: одни формы девиации направлены против общества (агрессия, преступность, вандализм), другие – против самой личности (самоповреждение, суицид, наркопотребление), третьи представляют собой уход от реальности без явной агрессивной составляющей [7, с. 18].

Классификации девиантного поведения весьма многочисленны и строятся по разным основаниям. Е.В. Змановская выделяет три основные группы: антисоциальное (противоправное), асоциальное (нарушающее нормы морали и отношения в микросреде) и аутодеструктивное поведение [4, с. 38]. Ю.А. Клейберг предлагает разграничивать первичную и вторичную девиацию, где под вторичной понимается поведение, закрепившееся после реакции социального окружения на первичные нарушения норм [5, с. 45]. Эта концепция представляется особенно ценной применительно к несовершеннолетним, поскольку именно ярлыкование и стигматизация подростка нередко превращают эпизодические нарушения в устойчивую поведенческую модель.

Категория «несовершеннолетний» в контексте изучения девиаций требует специального комментария. Данный возрастной период охватывает примерно с 11–12 до 17–18 лет и отличается кардинальными биологическими, психологическими и социальными изменениями. Именно в подростковом возрасте личность наиболее уязвима к различным воздействиям и одновременно наиболее открыта к формированию как просоциальных, так и антисоциальных установок. По данным официальной статистики и криминологических исследований, пик противоправной активности приходится именно на возраст 14–17 лет, что объясняется как психологическими особенностями данного этапа развития, так и объективными социальными условиями [6, с. 156].

Вопрос о биологической обусловленности девиантного поведения остается предметом дискуссий. Биосоциальный подход, утвердившийся в современной науке, признает роль наследственных факторов, не абсолютизируя их. Генетические исследования показывают, что определенные варианты генов, связанных с регуляцией серотониновой и дофаминовой систем, коррелируют с повышенной импульсивностью, агрессивностью и склонностью к риску. Это не означает фатальной предопределенности поведения, однако свидетельствует о том, что некоторые дети рождаются с темпераментом, создающим дополнительные трудности для социальной адаптации [10, с. 121].

Важную роль играют также особенности нейробиологического созревания. Префронтальная кора – зона мозга, ответственная за планирование, контроль импульсов и оценку последствий – формируется значительно позже, чем лимбические структуры, обеспечивающие эмоциональные реакции. Этим объясняется характерная для подростков импульсивность, склонность к риску и неспособность в полной мере предвидеть отдаленные последствия своих поступков. В условиях неблагоприятного социального окружения эта биологически обусловленная особенность значительно повышает вероятность девиантного поведения.

Нельзя оставить без внимания и роль патологических факторов. Минимальная мозговая дисфункция, последствия родовых травм, перенесенные черепно-мозговые травмы, нейропсихологические нарушения – все это создает почву для трудностей в обучении, эмоциональной нестабильности и нарушений поведения. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) в несколько раз чаще демонстрируют девиантное поведение по сравнению со сверстниками, не имеющими данного расстройства. При этом критически важно, что биологический фактор реализуется через социальную среду: одни и те же нейробиологические особенности в поддерживающей семейной и школьной обстановке могут не приводить к выраженным девиациям, тогда как в условиях дисфункции социального окружения они существенно повышают риск отклоняющегося поведения.

Следует также упомянуть гормональный фактор. Период полового созревания сопровождается резкими изменениями гормонального фона, что непосредственно влияет на

эмоциональную лабильность, агрессивность и сексуальное поведение подростков. Всплески тестостерона у мальчиков коррелируют с усилением агрессивных тенденций, хотя эта связь опосредована множеством психологических и социальных переменных. Гормональный фактор не может рассматриваться изолированно, однако его игнорирование при анализе детерминант девиации было бы методологически некорректным.

Психологические факторы девиации образуют обширный и весьма неоднородный комплекс. К ним относятся особенности формирования личности подростка, его эмоциональная сфера, система ценностей и самооценка, характерологические черты и психологические защитные механизмы. Важнейшим психологическим детерминантом является деформация самооценки. Как чрезмерно заниженная, так и неадекватно завышенная самооценка создает предпосылки для дезадаптивного поведения. Подросток с низкой самооценкой нередко ищет самоутверждения в группах, практикующих противоправное поведение; подросток с гипертрофированными амбициями, сталкиваясь с реальными ограничениями, может реагировать агрессией или демонстративным нарушением норм [5, с. 112].

Концепция фрустрации–агрессии Дж. Долларда и Н. Миллера, несмотря на ее критику, по-прежнему сохраняет объяснительную ценность применительно к подростковым девиациям. Систематическое переживание блокирования значимых потребностей – в признании, уважении, материальном достатке, аффилиации – формирует хроническое состояние фрустрации, которое при отсутствии конструктивных механизмов совладания выплескивается в агрессию или иные формы девиантного поведения [8, с. 48].

Особое место среди психологических детерминант занимает феномен психологической травмы. Дети, пережившие насилие (физическое, психологическое, сексуальное), пренебрежение, утрату значимых близких, нередко демонстрируют выраженные нарушения поведения как форму реакции на травматический опыт. Посттравматические стрессовые расстройства у несовершеннолетних проявляются не столько в классических симптомах, описанных применительно к взрослым, сколько именно в поведенческих расстройствах – агрессии, аутодеструктивном поведении, регрессии. Понимание девиации как возможной реакции на травму принципиально меняет подход к ее профилактике и коррекции.

Идентификационный кризис подросткового возраста также играет детерминирующую роль. По концепции Э. Эриксона, подростковый возраст – это период поиска идентичности, в ходе которого юный человек должен ответить на вопрос «Кто я?» Когда этот поиск протекает в условиях отсутствия позитивных ролевых моделей, ценностной дезориентации и социальной изоляции, возникает «диффузия идентичности» – состояние, при котором подросток неспособен сформировать устойчивый и последовательный образ себя. В таких обстоятельствах принятие девиантной идентичности может восприниматься как способ обрести определенность и принадлежность [6, с. 89]. Этим объясняется, почему членство в криминальной группировке или субкультуре, практикующей девиантное поведение, для некоторых подростков становится решением экзистенциальных проблем.

Немаловажную роль играет уровень морального развития личности. Исследования показывают, что значительная часть несовершеннолетних правонарушителей демонстрирует задержку в развитии морального суждения, оставаясь на эгоцентрических стадиях, при которых нормативные требования воспринимаются лишь как внешние ограничения, а не как интернализированные ценности [7, с. 76]. Это не является неизменной характеристикой личности – при правильно организованном педагогическом воздействии моральное развитие может быть стимулировано. Однако в условиях педагогической запущенности и отсутствия опыта нравственного взаимодействия с взрослыми данное отставание закрепляется и усугубляется.

Среди всех детерминант девиантного поведения семья занимает центральное место. Именно в семье ребенок получает первый опыт социального взаимодействия, усваивает базовые нормы и ценности, формирует первичные эмоциональные привязанности, обретает ощущение безопасности или, напротив, тревогу и недоверие к миру. Значение семьи трудно переоценить: она является одновременно и средой развития, и инструментом социализации, и образцом для подражания. Нарушения в семейной системе создают кумулятивный риск для развития девиантного поведения, который не всегда поддается нейтрализации другими социальными институтами.

Концепция дисфункциональной семьи в современной науке охватывает широкий спектр явлений. Под дисфункциональной понимается семья, не выполняющая в полной мере своих базовых

функций по отношению к детям: защитной, воспитательной, эмоциональной поддержки, социализирующей. Важно подчеркнуть, что дисфункциональность семьи не сводится только к явному неблагополучию – асоциальному образу жизни родителей или наличию насилия. Внешне вполне состоятельные в материальном отношении и социально приемлемые семьи могут быть глубоко дисфункциональными с точки зрения эмоционального климата и качества детско-родительских отношений.

Качество привязанности, формирующейся в раннем детстве между ребенком и родителями, в значительной мере определяет его способность к социальной адаптации в более старшем возрасте. Дж. Боулби показал, что нарушения привязанности в критически важные периоды развития оставляют устойчивые следы в психике ребенка, проявляющиеся в трудностях саморегуляции, эмоциональной нечувствительности или, напротив, в тревожной привязанности и страхе отвержения. Подростки с ненадежным типом привязанности значительно чаще демонстрируют агрессивное поведение, входят в девиантные группы и злоупотребляют психоактивными веществами.

Стиль воспитания, реализуемый в семье, является одним из наиболее изученных семейных детерминантов девиации. В типологии Д. Баумринд выделяются авторитарный, авторитетный, попустительский и безразличный стили. Наибольшую девиантогенную нагрузку несут авторитарный и безразличный стили. Авторитарное воспитание, основанное на жестком контроле, наказаниях и подавлении инициативы ребенка, формирует либо покорность и подавленность, либо скрытый протест, выражающийся в девиантном поведении вне дома. Безразличное, пренебрежительное воспитание, при котором ребенок предоставлен сам себе и лишен не только контроля, но и эмоционального тепла, создает благоприятную почву для включения в девиантные группы и формирования антисоциальных установок. Попустительский стиль, отличающийся эмоциональной близостью при отсутствии требовательности и границ, также коррелирует с повышенным риском девиации, хотя и в меньшей степени.

Роль гиперопеки как девиантогенного фактора нередко недооценивается. Между тем подросток, выросший в условиях чрезмерного контроля и опеки, оказывается неспособным к самостоятельному принятию решений, выдержке отказов и фрустраций, конструктивному разрешению конфликтов. Столкнувшись в реальном мире с неизбежными трудностями, он нередко реагирует дезадаптивными способами – уходом от реальности, агрессией или пассивной зависимостью от асоциальной группы, которая обещает ему защиту и принадлежность [1, с. 56].

Насилие в семье – физическое, психологическое, сексуальное – является одним из наиболее мощных предикторов девиантного поведения. Механизм его воздействия многоуровневый. На уровне непосредственного психотравмирующего воздействия насилие разрушает базовое чувство безопасности, формирует модель отношений, в которой сила и агрессия являются нормальными инструментами регулирования конфликтов. На уровне научения подросток усваивает агрессивные модели поведения через механизм социального научения, описанный А. Бандурой. На уровне нейробиологических изменений хронический стресс, обусловленный насилием, приводит к устойчивым изменениям в системах регуляции стресса, что повышает реактивность к угрозам и снижает способность к когнитивному контролю поведения [9, с. 182].

Исследования убедительно показывают, что дети, подвергавшиеся домашнему насилию, в три–пять раз чаще совершают правонарушения в подростковом возрасте по сравнению со сверстниками из семей без насилия. Особенно значимо то обстоятельство, что наблюдение за насилием между родителями (даже без прямого насилия в отношении ребенка) также является мощным девиантогенным фактором. Ребенок-свидетель насилия усваивает деструктивные модели взаимодействия и приобретает те же психотравматические последствия, что и непосредственная жертва.

Алкоголизм и наркомания родителей относятся к числу наиболее деструктивных семейных факторов, детерминирующих девиацию несовершеннолетних. Их влияние осуществляется по нескольким каналам. Во-первых, аддиктивное поведение родителей создает хаотичную, непредсказуемую домашнюю обстановку, в которой ребенок лишен стабильности и безопасности. Во-вторых, родители с аддикцией, как правило, эмоционально недоступны для своих детей даже в периоды трезвости. В-третьих, существует генетически опосредованный риск: наследственная предрасположенность к аддиктивным расстройствам документально подтверждена. В-четвертых, дети воспроизводят усвоенные в семье модели совладания с трудностями – через вещества [4, с. 156].

Данные отечественных исследований свидетельствуют, что более 60% несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами, воспитывались в семьях, где хотя бы один из родителей страдал алкогольной зависимостью [3, с. 178]. Это не является фатальной неизбежностью, однако демонстрирует устойчивость межпоколенческой трансмиссии аддиктивного поведения при отсутствии целенаправленного вмешательства.

Взаимосвязь между неполной семьей и девиантным поведением несовершеннолетних требует нюансированного анализа. Однозначно утверждать, что воспитание в неполной семье само по себе является детерминантой девиации, было бы некорректно. Многочисленные исследования показывают, что определяющими являются не структурные характеристики семьи, а качество функционирования семейной системы, экономические ресурсы семьи и характер отношений между ребенком и воспитывающим родителем.

Тем не менее ряд факторов, сопутствующих неполной семье, создает дополнительные риски. К ним относятся: повышенная экономическая уязвимость (бедность является самостоятельным детерминантом девиации), хроническая перегруженность одинокого родителя, ограниченность времени и эмоциональных ресурсов для полноценного воспитания детей, а также дефицит мужского/женского ролевого образца в зависимости от того, какой из родителей отсутствует. Отсутствие отца в семье мальчика-подростка коррелирует с повышенным риском включения в антисоциальные маскулинные группы, члены которых компенсируют дефицит мужской идентификации через агрессивное и доминантное поведение [2, с. 142].

Бедность и материальное неблагополучие семьи являются самостоятельными детерминантами девиантного поведения несовершеннолетних. Механизм воздействия включает несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, материальная депривация ограничивает доступ ребенка к образовательным, культурным и рекреационным ресурсам, суживая пространство его легитимного самовыражения и развития. Во-вторых, бедность нередко вынуждает семью проживать в неблагоприятных в криминогенном отношении районах, что повышает вероятность контакта с девиантными группами. В-третьих, хронический экономический стресс деструктивно влияет на родительское поведение, снижая качество детско-родительского взаимодействия [3, с. 203].

Классическая теория аномии в версии Р. Мертона рассматривает преступность и девиацию как результат разрыва между культурно провозглашаемыми целями (материальный успех, престиж) и социально доступными средствами их достижения. С этой точки зрения молодежь из малообеспеченных семей находится в особенно уязвимом положении: ценностно ориентированная на те же цели, что и их более благополучные сверстники, она лишена законных возможностей их достичь. Девиантное поведение в данном контексте выступает как инструментальная адаптация к объективным социальным противоречиям, а не как проявление нравственного дефицита личности [3, с. 56].

Особую роль среди семейных детерминантов играет педагогическая некомпетентность родителей – неспособность правильно понять потребности ребенка, выстроить адекватные возрасту требования, реагировать на его поведение последовательно и предсказуемо. Педагогически несостоятельные родители нередко не осознают, что своими действиями они сами формируют те поведенческие проблемы, с которыми затем обращаются за помощью. Хаотичное, непоследовательное применение санкций – то суровых наказаний, то полного попустительства – формирует у ребенка тревожность и неспособность к самоконтролю. Отсутствие четких границ и понятных правил создает ощущение ненадежности мира, на которое подросток реагирует провоцирующим поведением в бессознательной попытке нащупать эти границы [1, с. 89].

Немаловажна также роль деформированных ценностных ориентаций самих родителей. Если в семье культивируются ценности грубой силы, материального успеха любой ценой, пренебрежения к закону и нормам морали, ребенок усваивает именно эту систему ценностей как образец. Исследования семей несовершеннолетних правонарушителей неизменно выявляют высокую корреляцию между антисоциальными установками родителей и девиантным поведением детей.

Явление межпоколенческой трансмиссии – передачи девиантных паттернов от родителей к детям – документировано во многих исследованиях. Дети преступников значительно чаще сами становятся преступниками; дети, подвергавшиеся жестокому обращению, чаще жестоко обращаются со своими детьми; дети алкоголиков чаще становятся алкоголиками. Это явление не является неизбежным и не означает биологического фатализма – оно обусловлено прежде всего механизмами научения, идентификации и воспроизведения усвоенных в детстве паттернов.

Понимание феномена межпоколенческой трансмиссии критически важно с практической точки зрения: оно указывает на то, что разрыв этого цикла возможен при создании условий для приобретения ребенком из дисфункциональной семьи альтернативного опыта надежных, поддерживающих отношений – с другими значимыми взрослыми, в учреждениях дополнительного образования, в спорте, в организациях, работающих с трудными подростками.

Помимо семьи, в генезе девиантного поведения несовершеннолетних существенную роль играет более широкий социальный контекст. Школа как институт социализации занимает второе по значению место после семьи. Школьная неуспешность является одним из наиболее устойчивых предикторов девиантного поведения в подростковом возрасте. Систематические академические неудачи подрывают самооценку ребенка, формируют негативное отношение к учебе и к учреждениям образования в целом, лишают его легитимного источника признания и статуса среди сверстников. Подросток, не получающий удовлетворения своих базовых потребностей в компетентности и признании в рамках образовательного пространства, ищет их за его пределами – нередко в девиантных группах [11, с. 123].

Не менее значимо качество школьного климата. Школьная травля (буллинг) приобрела в последние годы масштабы, которые принуждают рассматривать ее как самостоятельный социальный феномен с тяжелыми последствиями для жертв. Исследования фиксируют, что подростки, систематически подвергающиеся травле, демонстрируют повышенный уровень депрессии, тревоги, суицидальных идеаций и – что особенно важно для нашей темы – нередко сами со временем прибегают к агрессивному поведению как защитной реакции.

Группа сверстников является мощным социализирующим агентом в подростковом возрасте, нередко превосходящим по влиянию семью. Стремление к принадлежности, столь характерное для данного возраста, делает подростка особенно уязвимым к групповому давлению. Включение в девиантную группу сверстников резко повышает риск совершения правонарушений – не только через прямое давление, но и через постепенную трансформацию нормативных ориентиров, когда то, что еще вчера воспринималось как недопустимое, становится групповой нормой [5, с. 167].

В эпоху цифровых технологий к числу социальных детерминантов девиации добавилось виртуальное пространство. Интернет предоставляет беспрецедентный доступ к контенту, пропагандирующему насилие, экстремизм, употребление психоактивных веществ и иные формы девиации. Кибербуллинг как разновидность агрессии обладает специфической деструктивностью, поскольку не ограничен во времени и пространстве. Социальные сети создают возможности для анонимной коммуникации с девиантными группами и вербовки уязвимых подростков в деструктивные сообщества. При этом цифровая среда обладает и защитными ресурсами – при условии, что подросток обладает развитой медиаграмотностью и критическим мышлением [11, с. 201].

Социально-экономические условия жизни общества в целом образуют макросоциальный уровень детерминации девиации. Экономические кризисы, высокий уровень социального расслоения, безработица, деградация социальных институтов – все это создает питательную среду для распространения девиантных форм поведения. Социальная дезорганизация, характерная для неблагополучных территорий – районов с высоким уровнем преступности, обветшалой инфраструктурой, отсутствием социальных служб – является устойчивым предиктором подростковой девиации. В таких условиях школьные и семейные усилия по воспитанию просоциального поведения систематически нейтрализуются социальной средой ближайшего окружения.

Анализ отдельных групп детерминант, при всей его необходимости, не позволяет в полной мере отразить реальный механизм формирования девиантного поведения. В действительности различные факторы взаимодействуют между собой, усиливая или нейтрализуя друг друга. Современные концепции девиации строятся на признании ее полидетерминированности и системного характера.

Модель кумулятивного риска предполагает, что не один, а несколько одновременно действующих неблагоприятных факторов существенно повышают вероятность девиации. Исследования показывают, что при наличии одного фактора риска вероятность девиантного поведения относительно невысока; при двух–трех факторах она возрастает в несколько раз; при четырех и более – становится критически высокой. Это объясняет, почему одни дети демонстрируют

поразительную устойчивость даже в крайне неблагоприятных условиях, тогда как другие оказываются охвачены девиацией при, казалось бы, умеренных рисках.

Наряду с факторами риска современные исследования уделяют значительное внимание защитным факторам – тем ресурсам личности и среды, которые нейтрализуют или ослабляют девиантогенные влияния. К внутриличностным защитным факторам относятся: когнитивные способности, позитивная самооценка, развитые навыки саморегуляции, просоциальные ценности. К социальным защитным факторам относятся: наличие хотя бы одного надежного взрослого в жизни ребенка, включенность в структурированную просоциальную деятельность (спорт, творчество, волонтерство), качественная школьная среда.

Именно поэтому включение подростков в организованную физкультурно-спортивную деятельность рассматривается в современной литературе как значимый протективный фактор. Спорт создает структурированное, насыщенное нормами пространство, где молодой человек получает позитивное признание, обретает устойчивые привязанности в просоциальной группе, учится дисциплине, преодолению трудностей и конструктивному реагированию на неудачи. Занятия спортом способствуют снижению уровня тревожности и депрессии, что само по себе является защитным фактором в отношении ряда форм девиации.

Понимание детерминант девиации является фундаментом для построения системы ее профилактики. Современный подход предполагает трехуровневую профилактику: первичную (направленную на общую популяцию детей и подростков), вторичную (ориентированную на группы риска) и третичную (работу с несовершеннолетними, уже демонстрирующими девиантное поведение).

Первичная профилактика включает меры, направленные на укрепление семьи как института, повышение педагогической компетентности родителей, создание благоприятной образовательной среды, развитие социальной инфраструктуры для досуга молодежи. Программы родительского образования доказали свою эффективность во многих странах: обучение родителей навыкам позитивного воспитания, управления поведением ребенка и конструктивного разрешения конфликтов снижает риск развития поведенческих расстройств у детей.

Вторичная профилактика предполагает раннее выявление детей и семей из группы риска и адресную помощь им. Здесь принципиальна роль школьных психологов, социальных педагогов, специалистов органов опеки, медицинских работников – всех, кто имеет систематический контакт с детьми и их семьями. Раннее вмешательство несопоставимо эффективнее, чем работа с уже сформировавшейся девиацией: нарушения поведения на ранних этапах поддаются коррекции значительно лучше, чем закрепившиеся антисоциальные паттерны.

Третичная профилактика – работа с несовершеннолетними правонарушителями – требует особой профессиональной квалификации и комплексного подхода. Ключевым принципом здесь является приоритет реабилитации над наказанием. Карательные меры сами по себе не решают проблему девиации и нередко усугубляют ее, стигматизируя подростка, разрушая его связи с просоциальными структурами и помещая в среду, где девиантное поведение является нормой. Эффективные программы третичной профилактики включают индивидуальную и групповую психологическую работу, восстановительное правосудие, социальный патронаж, профессиональное обучение и содействие занятости.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Девиантное поведение несовершеннолетних является полидетерминированным феноменом, в генезе которого взаимодействуют биологические, психологические и социальные факторы. Ни один из этих факторов не является однозначно предопределяющим – их влияние опосредовано системой защитных ресурсов личности и среды.

Семья занимает центральное место среди детерминант девиантного поведения. Дисфункция семейной системы, деформация детско-родительских отношений, насилие, аддиктивное поведение родителей, педагогическая несостоятельность и деформированные ценностные ориентации создают мощный кумулятивный риск, нейтрализовать который другим социальным институтам крайне сложно. Вместе с тем семья способна выступать и мощным защитным фактором – при условии ее функциональности, эмоциональной поддерживающей атмосферы и грамотного педагогического подхода родителей.

Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних требует системного подхода, охватывающего все уровни детерминации – от макросоциальных условий до индивидуальных

характеристик личности. Приоритет должен быть отдан раннему вмешательству и укреплению семьи как первичного агента социализации. Развитие просоциальных институтов – спортивных секций, учреждений дополнительного образования, подростковых клубов и иных форм организованного досуга – является важнейшим компонентом профилактической системы, создающим защитные пространства для подростков из неблагополучных семей.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение механизмов резильентности – устойчивости к неблагоприятным воздействиям – и разработку научно обоснованных программ ее формирования. Понимание того, почему одни дети в одинаково трудных условиях остаются социально адаптированными, а другие – нет, откроет новые перспективы для профилактической и коррекционной работы с несовершеннолетними.

Библиографический список:

1. Алмазов Б.Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1986. – 150 с
2. Борисова Д.П. Выявление взаимосвязи агрессивного поведения и гендерных особенностей у несовершеннолетних с девиантным поведением // Гуманитарные науки (г.Ялта). 2020. № 4 (52). С. 141–145.
3. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 520 с.
4. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2003. – 296 с.
5. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов. – М. : ТЦ Сфера: Юрайт-М, 2001. – 160 с.
6. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
7. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособие. – М.: МЕДпресс, 2001. – 432 с.
8. Мищенко В.И., Мищенко В.В. Проблемные вопросы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и пути их решения // Евразийский союз ученых. 2018. № 1-2 (46). С. 47–49.
9. Серебрякова Т.В. Социально-психологические компоненты девиантного поведения несовершеннолетних // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 3. С. 182.
10. Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 119–126.
11. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы: монография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 272 с.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей СШ Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-6040934-2-9